

*Линдси и Саймону
Никаких слов никогда не хватит.
Но я все равно написал их 100 000 для вас.*

Благодарности

Понадобилось бы отдельное приложение к этой книге, вознамерясь я перечислить всех, кому обязан ее появлением в итоге десятилетия трудов. Постараюсь назвать самых значимых из них. Если вас я здесь не упоминаю, знайте, что это сделано намеренно, по сугубо личным причинам.

Разные организации то и дело платили мне только за то, чтобы я сидел и читал, с надеждой, что в конце концов я что-нибудь напишу. В Мичиганском университете полный пакет финансирования от исторического факультета включал несколько стипендий по иностранным языкам и региональным исследованиям. Грант программы Fulbright-Hays DDRA¹ дал мне возможность провести исследования в России и Казахстане в 2008–2009 годах. Аспирантская стипендия в Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета открыла мне просторы для нового общения и распахнула дверь в сокровищницу — библиотеку Вайднера. Администрация Калифорнийского университета в Дейвисе дала мне постдок, присовокупив к нему щедрый стартовый пакет, за счет чего я смог еще два раза поработать летом в российских архивах. Я одновременно благодарен за полученные возможности и сожалею о том, что нынешнее поколение аспирантов не имеет к ним такого же доступа.

Хочу выразить особую признательность за тот капитальный багаж знаний по истории России и Евразии, что я получил в Мичиганском университете. Валери Кивельсон стала моим первым преподавателем российской истории после того, как в 2002 году

¹ Программа международных обменов в области образования, начатая в 1946 году по инициативе сенатора У. Фулбрайта. — *Примеч. пер.*

я случайно забрел на ее курс по средневековой Руси, будучи на тот момент уверенным только в том, что больше не хочу заниматься химией. Сомневаюсь, что кто-то из нас предполагал, что наше общение продолжится спустя 15 лет. Дуглас Нортроп начал работать в Мичигане, как раз когда я искал место, где можно было бы получить степень доктора философии. Все следующие десять лет он был для меня примером такого ученого, каким я надеюсь стать: обладающего широкими и глубокими познаниями, неукоснительно скрупулезного, доброго и справедливого. Я благодарен ему за то, что он дал мне шанс. Билл Розенберг и Питер Холквист также были моими драгоценными наставниками и учителями и во время моей учебы в аспирантуре, и после ее окончания.

Просто блаженством было работать с издательством Cornell University Press на протяжении всего этого времени. Я благодарю Роджера Хейдона за то, что он счел этот проект стоящим, за сдержанное здравомыслие в редакции, за откровенное, непредвзятое отношение ко всему этому предприятию. Бесценным было то, как руководила издательским процессом Сьюзен Спектер. Благодаря внимательной редакции Кэролайн Паунси мне удалось избежать нескольких досадных ошибок. Билл Нельсон отлично поработал над картами. Два независимых рецензента исходной рукописи дали очень полезные комментарии, причем одного из них хватило даже на то, чтобы написать примечания ко всему тексту. Редкостное проявление коллегиального духа, которому я надеюсь соответствовать.

Частично ранняя версия главы 5 появилась в виде статьи [Campbell 2011]; отдельные фрагменты книги вошли в [Campbell 2018].

Мне посчастливилось подружиться со многими коллегами в этой области, и более того, привлечь новых друзей к содействию в работе над этой книгой. Многие из них — Мария Блэквуд, Сара Кэмерон, Майкл Хэнкок-Пармер, Анна Грабер, Майя Петерсон, Кимберли Энн Пауэрс, Ребекка Рамзи и Чарльз Дэвид Шоу — на разных этапах прочли отдельные части рукописи и внесли предложения, которые значительно улучшили текст. Трудно переоце-

нить содержательный комментарий Юлии Фейн к разделу, посвященному обзору диссертаций. Юрий Слезкин и Виктория Фреде любезно предоставили мне возможность поделиться некоторыми идеями из книги на историческом кружке в Калифорнийском университете в Беркли, а благодаря Лоре Адамс и Терри Мартину я смог провести семинар по двум главам книги в Гарварде. Особая благодарность Пей-Йи Чу и Кэти Фриерсон за то, что они превратили наш офис в Гарварде в уютный уголок дружеского общения, где, однако, нам удавалось и поработать. Также спасибо Александру Моррисону за его неизменную щедрость в обмене заметками и ссылками (и, что немаловажно, за то, что иногда он принимал на себя гнев посетителей читального зала в Алматы). Заура Батаева и Джонатан Вашингтон перепроверяли некоторые заковыристые переводы с казахского.

В Алматы я бы не сделал и половины сделанного без поддержки и руководства Айгуль Аубакировой. Айгуль, Юрий Шнейдемюллер и их родные тепло меня встречали и заботились обо мне; без них мне было бы скучно и одиноко. В Санкт-Петербурге я начал относиться к комнате в квартире Людмилы Пироговой как к своему второму дому. Я благодарен ей за многочасовые беседы и множество прекрасных обедов.

В Дейвисе я попал в удивительно сплоченный и дружелюбный коллектив, который дал мне все, о чем я мог мечтать, чтобы добиться успеха. Многим из моих коллег и аспирантов пришлось прочесть черновики частей рукописи; это Дэвид Биале, Диана Дэвис, Эдвард Дикинсон, Омния Эль Шакри, Кэти Харрис, Эллиотт Харвелл, Куинн Джаверс, Салли Макки, Мэтью Вернон, Чарльз Уокер и Луи Уоррен. Их замечания и готовность поделиться своим опытом были для меня более чем ценными. Кроме того, два полуофициальных вида времяпровождения не давали мне заскучать и напоминали, что есть мир и за пределами печатного слова. Я счастлив отметить здесь, как хорошо было раз в неделю пропустить по пивку с доцентами Куинн Джаверсом, Мариан Шлоттербек, Мэтью Верноном и Адамом Зиентеком. Не менее важны, и не в последнюю очередь для того, чтобы не рос пивной животик, были частые поездки на велосипеде по холмистым

угодьям Калифорнии пелотоном в составе Ари Кельмана, Пабло Ортиса, Саймона Сэдлера и Чарльза Уокера.

Мои родители, Грегори и Энн Кэмпбелл, неизменно служили мне поддержкой. Выросшие в сельской местности на севере Мичигана, они изо всех сил стремились дать мне все шансы и возможности думать, учиться и творить. Они с самого начала поддерживали меня в моих изысканиях и научной карьере, хотя из-за всего этого я не мог навещать их так часто, как они были вправе ожидать. Мой брат Бэрд Кэмпбелл — блестящий, критичный, неглупый читатель, что делает его идеальным собеседником, когда я захожу в тупик в своих размышлениях и писанине.

Самые важные люди, которых следует поблагодарить, — те, кому посвящена эта книга. Линдси Мальта вошла в мою жизнь в 2007 году, когда этот проект еще только начинался, и уже никогда из нее не уходила. Чего она только не пережила за эти годы, пока я доводил работу до конца: и захудалые съемные квартирнки, и редкие разговоры по скайпу, и февральский ветер с Мойки. Несмотря на все эти испытания, она выстояла. Как следствие, второй адресат посвящения — наш сын Саймон Чарльз, который появился на свет, когда рукопись была отправлена на рецензирование, и благодаря ему весь процесс редактирования прошел более удачно, чем я мог себе представить. Я люблю вас обоих больше, чем можно выразить словами.

Введение

В начале 1870 года, столкнувшись с, казалось бы, будничным вопросом о жалованье и обеспечении казачьих войск на протяженной границе сибирской степи с Китаем, Военное министерство Российской империи подало довольно путанный запрос о данных: чтобы решить поставленный вопрос о довольствии казачьих войск, несущих службу на границе с Китаем, Военному министерству необходимо было знать, действительно ли пикет Укек и бывший пикет Чандыгапуй в Бийском районе Томской области расположены на границе с Китаем¹. Если знания для государства — хлеб насущный, то Российская империя всегда балансировала на грани голодного пайка. Так обстояло дело в далеких сельских уголках европейской части России, на судьбу которых после освобождения крепостных существенно повлияло отсутствие статистических данных о их жителях (о налогах и статистике см., например, [Darrow 2000: 59–68]). Еще в большей степени это касалось частей империи, удаленных от крупных столичных центров, где уклад жизни, обычаи и языки населения были иными, нежели в славянском ядре государства. В этой книге рассказывается о попытках Российской империи решить эту фундаментальную проблему в одном стратегически важном, но трудном для управления регионе. История освоения Казахской степи и управления ею неотделима от процесса производства знаний о ней как русскими, так и казахами².

¹ РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 211. Л. 1 (Главное управление нерегулярных частей — Главному штабу, 5 января 1870 г.). Название документа: «О научной работе Федченко и др. о Туркестане».

² Слово «знания» здесь используется в значении, отличном от «информации»: имеется в виду организованный и систематизированный материал, а не данные на первичном уровне концептуального описания. В этом я следую за К. А. Бейли [Bayly 1996].

С одной стороны, в отличие от других европейских империй, у российской монархии вплоть до 1917 года сохранились пробелы в сведениях о ее окраинах (в частности, А. Моррисон отмечает отсутствие кадастра для Туркестана [Morrison 2009]). С другой стороны, знания, имевшиеся в ее распоряжении (то, что историк К. А. Бейли называет «архивной глубиной»), в период между первоначальным присоединением Казахской степи в начале 1730-х годов и распадом империи двумя веками позже росли в геометрической прогрессии [Bayly 1996: 349]³. На первый взгляд представляется, что достижения царского правительства в степи в этот период говорят об очевидной и прямой взаимосвязи между знанием и государственной властью. Все более глубокие военно-тактические и топографические знания, распространявшиеся через специализированные журналы, способствовали быстрому военному продвижению на юг, к туркестанским оазисам. К концу 1800-х годов количество специализированных агрономических и статистических обзоров увеличилось; их задачей была поддержка набравшего темп переселения славянских земледельцев в степь. По мере того как «цивилизаторские» голоса внутри империи объявляли русский язык и институты царизма проводниками навыков и умений, необходимых грубым, диким кочевникам, чтобы модернизироваться, формировалась небольшая, но активная группа местных посредников между степью и государством, которая соглашалась с их аргументацией. По многим показателям, по которым можно судить об империи, в Средней Азии и казахской степи русская имперская политика имела успех, и знания, накопленные российскими учеными и чиновниками об этих регионах при значительной помощи казахских посредников, сыграли в этом важную роль. Но хотя империя, согласно ее собственным критериям, преуспела, ее политика подготовила почву для крупного восстания накануне революций 1917 года; при этом усилилась изоляция автономистского движения, участ-

³ Взаимное (и иногда продуктивное) недопонимание, порождаемое незнанием такого рода в степной дипломатии, описано М. Ходарковским [Khodarkovsky 1992, 2002].

ники которого ранее проявляли готовность участвовать в имперских институтах. Это кажущееся противоречие лучше всего можно объяснить, изучив, какими знаниями обладали русские и казахи о степи в ее социальном и административном контекстах.

Данное исследование не входит в длинный список трудов о репрезентациях и категориях имперского правления и не служит простой констатацией подчиняющей силы дискурса [Adas 1989]. Меня больше вдохновляют работы историков и философов науки, заинтересованных не в построении категорий и концепций как таковых, а в том, как формируются и пересматриваются убеждения людей на основе имеющихся в их распоряжении знаний [Goldman 2010]⁴. Я. Хакинг, рассматривая естественные науки, выделяет три аспекта социально-конструктивистских аргументов и предполагает, что конструктивисты, так же как их оппоненты, постоянно колеблются между этими тремя: случайность (то есть идеи могли возникнуть не так, как они возникли), номинализм (мир структурирован посредством человеческих представлений) и объяснение через стабильность (обусловленную объективной реальностью или общественным согласием) [Hacking 1999: 68–99]⁵. Пользуясь определениями Хакинга, эпистемологическая основа этой книги по большей части является социально-конструктивистской. Но этим далеко не исчерпывается список вопросов, которые могут быть правомерно заданы о совместном формировании идей о степи и ее населения Российской империей и ее посредниками в Казахской степи.

Царские чиновники отчаянно пытались получить знания, которые помогли бы им формулировать и реализовывать политику в степи. В то же время, как только Российская империя создала немногочисленные институты (газеты и школы), которые сделали ее *mission civilisatrice*⁶ в регионе чем-то бóльшим, нежели

⁴ Э. Голдман отвергает постструктуралистские подходы как «ревизионистские», выходящие за рамки традиционной эпистемологии [Goldman 2010: 3].

⁵ В понимании Я. Хакинга Т. Кун, например, выступает как предельный конструктивист во всех трех аспектах.

⁶ Цивилизаторская миссия (*фр.*). — *Примеч. ред.*

чистая риторика, она провозгласила себя и, в частности, русский язык проводником в мир полезных знаний, лежащий за пределами дикой, мрачной степи. И в том и в другом отношении воззрения царизма на знания сформировали дискурсивное и институциональное пространство для казахских подданных, для их самоопределения и продвижения их собственных интересов. Встреча Российской империи со степью, хотя и характеризовалась неравным соотношением сил, была, таким образом, обменом знаниями, при котором казахи и русские представляли себя и друг друга *друг другу*. Многие из этих представлений имели долгосрочные социальные и политические последствия, выявление которых и является основной задачей настоящей работы.

Власть, знания и российская экспансия

В таком проекте неизбежно приходится учитывать огромный массив критических и метакритических трудов об отношениях между властью и знаниями в условиях империи. Исследователи русского империализма обсуждают этот вопрос уже почти два десятилетия, в основном через призму первопроходческого исследования этой проблемы, книги Э. Саида «Ориентализм» [Саид 2006]. Отдельные ученые и научные организации в своих специализированных исследованиях сходятся во мнении, что российский ориентализм был более тонким и менее монолитным, чем предполагает модель Э. Саида, что он был разнообразным и принципиально аполитичным⁷. Но остаются сомнения в том, что эти исследования демонстрируют уникальность русского ориентализма; исследователи других империй не менее ясно показали, что ориентализм не монолитен и что связь между наукой и политикой никогда нельзя полагать очевидной [Marchand

⁷ Невзирая на энергичные возражения А. Халида [Халид 2005], это общепринятое мнение высказывают такие авторы, как Н. Найт [Knight 2000], Д. Схиммельпэнник ван дер Ойе [Схиммельпэнник ван дер Ойе 2019], В. Тольц [Тольц 2013].

2009; Charles, Cheney 2013]. Здесь мы сталкиваемся с привычным в науке явлением: после многих лет целенаправленных эмпирических исследований возникает обширный теоретический текст, который может лишь с оговорками применяться ко всем временам и странам.

Такой подход к отношениям власти и знания можно подвергнуть критике, даже согласно его собственным принципам, с двух сторон. Во-первых, хотя эмпирическое исследование интеллектуальной биографии полезно как средство восстановления историчности для ученых, подчиненных тотализирующей парадигме ориентализма, история текстов и идей не ограничивается теми последствиями, на которые рассчитывали их авторы. Эту идею с 1940-х годов развивают литературоведы, а в 1980-е годы она была решительно высказана Б. Латуром в отношении точных наук⁸. В этой книге мы не раз увидим, что чиновники воспринимают идеи ученых совершенно иным образом, нежели предполагали последние. Соответственно, чтобы понять взаимосвязь между наукой и империализмом, знанием и властью, особенно в автократическом государстве, необходимо проследить распространение и генеалогию идей — от научных работ до имперской администрации, в том виде, в каком эти идеи мыслились, практиковались и жили. Во-вторых, принятая среди русистов сосредоточенность на филологически ориентированных классических дисциплинах востоковедения привела к небрежению другими дисциплинами, такими как география и статистика, в которых связь между знанием и государственной властью прослеживается более четко. Слишком буквальное следование за Саидом привело к тому, что общепринятое мнение о взаимосвязи между властью и знанием расходится с историческими данными о Казахской степи.

Между тем историография других европейских империй предоставляет нам более точные инструменты анализа той же самой проблемы. В этом смысле особенно примечательны рабо-

⁸ Весьма скептическую трактовку «новой критики» с ее подчеркнутым игнорированием авторской интенции см. в [Иглтон 2010: 70–75; Латур 2013: 69–70].

ты Б. Кона и К. А. Бейли. В исследованиях Коном продуцирования знаний и британского правления в Индии классификация и категоризация тесно связаны с управлением; императивы правления придали форму тому, что он именуется «исследовательскими модальностями», с помощью которых соответствующие знания собираются и преобразовываются в формы, пригодные для использования [Cohn 1996: 4–5]. В настоящем проекте ориентализм *stricto sensu*⁹, понимаемый как знание языков, послужил предпосылкой, или пассивным помощником, в исследовании по-настоящему полезных знаний, предлагаемых обзорами и переписями населения [Там же: 4, 21]. Государственное строительство зависело от конкретных процессов документации и классификации, из которых одни были чисто административными, а другие развивались в научные дисциплины. Кон взял на себя труд проследить связи между этими процессами и инструментализацией знания в конкретных исторических контекстах.

Бейли критикует Саида в том плане, что «ориентализм... был лишь одним из множества локальных соотношений между властью и знанием»; это вытекает из той же потребности определить исторический контекст явления, но идет дальше, подчеркивая слабость британского колониального государства и важность местных посредников и форм знания [Bayly 1996: 143]. То, что Бейли называет колониальным информационным порядком, было «воздвигнуто на фундаменте его индийских предшественников», и у британцев не осталось иного выбора, кроме как адаптироваться к уже существовавшим каналам и формам знаний [Там же: 3–9, 179]. Хотя такая адаптация приводила к постепенному росту числа колониальных «экспертов» и постепенному углублению понимания местных условий, она не разрушала прежний информационный порядок и не подрывала полностью авторитет местных способов познания. В ключевые моменты, особенно во время мятежа 1857 года, британская администрация продемонстрировала фундаментальное незнание и непонимание страны, неспособность справиться с тем информационным по-

⁹ В строгом смысле (лат.). — Примеч. ред.

рядком, который им предшествовал. Продуцирование знаний в колониальном контексте, как показывает Бейли, всегда должно в некоторой степени зависеть от местных акторов, каналов и взаимопонимания, однако результаты подобного сотрудничества редко бывают предсказуемыми или однозначными.

И К. А. Бейли, и Б. Кон призывают нас внимательно изучить условия продуцирования знаний как административного инструмента и как социального процесса. В Казахской степи слабое имперское государство осознавало степень своего неведения и постепенно нащупывало способы мышления и обучения, которые могли бы решить его проблемы. Казахские посредники, взаимодействуя с царским правительством, были только рады выступать носителями полезных знаний. Они были жизненно важной частью исторической связи между знанием и властью, хотя границы между их знаниями — как и любыми экспертными знаниями — и формулированием политики редко бывали четкими.

Казахские посредники в историческом контексте

Если, следуя этим методологическим ориентирам, поместить в соответствующий социальный и интеллектуальный контекст как казахских посредников, так и произведенные ими знания, вырисовывается новая картина. Присоединение степи к Российской империи произошло без четкого понимания того, что с ней потом делать; имелось лишь общее представление, что она должна изменяться и развиваться. В исследованиях, которые ученые и администраторы предприняли для прояснения этой проблемы, поначалу не было особого единодушия. Изучение кочевого скотоводства, религии, обычного права, а также флоры и фауны часто предназначалось для ответа на неотложные вопросы формирования политики. Некоторые казахи, используя и подчеркивая свое знание этих предметов изнутри, какое-то время могли давать на них собственные ответы; убедительность подачи этих ответов, в свою очередь, во многом зависела от конкретной административной и социальной среды, в которой действовали эти посред-

ники. Исследователи истории африканского колониализма отмечают «существенные различия в жизни посредников» по мере становления колониального государства [Lawrance et al. 2006: 30]. На протяжении почти двух столетий так же менялись роль и авторитетная значимость казахских посредников.

С первых же лет присоединения степи (условно датируемого 1731 годом) до конца XIX века в распоряжении царских чиновников имелось поразительно мало полезных данных о ее внутренней политике и окружающей среде. Они управляли в основном цепью укреплений на севере, понимая, что есть области, в которые они не могут вмешиваться, и обладая не столько систематизированными знаниями, сколько изрядной долей *savoir faire*¹⁰. То, что возникло рядом с границей, было своего рода «фронтирным» обществом, которое спланировалось многочисленными культурными сношениями, торговлей и креолизацией [Malikov 2011] (ср. [Barret 1999]). Глубже в степи лежал мир, политику, обычаи и окружающую среду которого царские администраторы мало знали и понимали; для выполнения даже простых задач были необходимы местные проводники, носители информации, а не знаний.

Эту ситуацию устойчивого равновесия изменили как стратегические соображения, так и новые концепции управления. Царские чиновники считали искусственную границу в северной части степи уязвимой (о чем свидетельствовали частые набеги). Уходя от границы в карательные и стратегические экспедиции, российские имперские войска постепенно захватили бóльшую часть степи. В результате продвижения войск все больше казахов оказывалось под прямым контролем царского правительства, хотя устанавливавшиеся над ними модели правления различались. Эти шаги, если только они не делались в приступе «рассеянности», предпринимались в основном из стратегических соображений, без ясного представления о том, как можно будет использовать

¹⁰ Это выражение (*франц.* «сноровка», «практическое умение». — *Примеч. ред.*) в данном контексте было употреблено К. Тайхманном в личной беседе с автором.

степь, когда она станет частью империи [Morrison 2014a: 165]. В то же время изменились и модели правления в некоторых казахских областях: с 1822 года казахи в степи Восточной Сибири управлялись напрямую через окружные приказы (районные административные центры с полицейскими и судебными функциями, с участием как русских, так и казахских представителей)¹¹.

По мере того как все больше земель и людей в степи подчинялись царской администрации, а намерения последней в отношении степи выходили за рамки простого поддержания стабильности или умиротворения, характер зависимости царского правительствa от нерусских посредников изменился. Особенно актуальным это стало после обнародования Временного положения 1868 года, которое значительно расширило все еще скромные бюджеты и штат степной администрации. Первоначально обучавшиеся в немногочисленных русскоязычных школах в провинциальных городках, эти посредники в основном становились скромными приказными служащими, писарями и переводчиками, — жизненной основой имперского государства¹². Однако некоторые русскоязычные казахи пошли дальше, активно изучая своих сородичей и родную среду и публикуя свои выводы. Последние, согласно схеме историка А. Меткалф, были «репрезентативными» посредниками, поставлявшими царской администрации знания о степи и ее обитателях [Metcalf 2005: 9–13]. Даже в конце XIX века изголодавшиеся по знаниям чиновники в центре и на местах были склонны приветствовать поступление знаний от посредников, хотя стратегические и политические приоритеты (сами по себе не единообразные) ограничивали диапазон приемлемых сведений.

Эта неопределенная ситуация в степи отражала в миниатюре отношение Российской империи к собственному внутреннему разнообразию во второй половине XIX века. П. Верт, исследуя

¹¹ Об окружных приказах см. [Olcott 1995: 59]. В. Мартин в эмическом анализе земельных отношений в Сибирской степи рассматривает 1822 год как переломный момент с точки зрения царского административного вмешательства в жизнь степи [Martin 2010: 80–83].

¹² О неказахских посредниках в степи см. [Sultangalieva 2012].

обращение в веру и отступничество в Волго-Камском регионе, утверждает, что с конца 1820-х годов имперская модель, свойственная старому режиму, начала трансформироваться из государства, в основе которого лежала верность престолу (и, таким образом, допускавшего существенное разнообразие), в модель национального государства на основе ассимиляции [Werth 2002: 7]. Важно, что, по мнению Верта, этот переход так и остался незавершенным, и это делало Российскую империю «чем-то *половинчатым*» и ограничивало ее способность проводить последовательную конфессиональную политику в отношении мусульман и язычников региона [Там же: 7] (курсив Верта). Р. Джераси, исследуя политику, относящуюся к признакам этнической идентичности, на примере Казани, приходит примерно к тем же выводам: существовали конкурирующие модели ассимиляции нерусских подданных империи (и при этом серьезные сомнения в ее целесообразности), отражавшие несовместимые друг с другом концепции русской национальности [Джераси 2013]. С одной стороны, подобные проблемы пагубно сказывались на поддержке имперского правления; с другой стороны, в отношении нерусских подданных не существовало единообразной имперской политики, которой они должны были подчиняться или которую могли бы отвергать, но имелся набор вариантов, среди которых можно было лавировать.

Р. Джераси отмечает, что в последние годы правления династии Романовых политический курс Российской империи резко повернулся вправо, отвергнув ассимиляционные модели в пользу сохранения различий¹³. Точно так же в начале XX века, несмотря на возникновение после революции 1905 года новых представительных институтов, подававших определенные надежды, пространство маневрирования для казахских посредников закрылось с поразительной быстротой. Центральная администрация разработала новые первостепенные задачи, связанные с экономической

¹³ См. [Hillis 2013], превосходный анализ способов, с помощью которых разные локальные образы мышления в одном и том же контексте становились совместимыми с реакционной парадигмой национального государства.

модернизацией империи; для степи это, главным образом, означало массовое переселение крестьян из европейской части империи. Растущий массив статистических и агрономических данных, ставший логическим продолжением более раннего производства знаний как на окраинах (география и рассказы о путешествиях), так и в центре (статистические исследования крестьянских домохозяйств), послужил подспорьем и сделал возможным реализацию этой политики. По сути, Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), отвечавшее за переселение крестьян, было, вероятно, самой надежной с точки зрения знаний организацией в Российской империи после 1900 года¹⁴.

Местные помощники продолжали играть жизненно важную роль в организации земельных и экономических исследований, которые часто проводило ГУЗиЗ. Но казахи, которые стремились идти дальше и продуктивно взаимодействовать с новой концепцией окружающей их среды, которую навязчиво предлагало ГУЗиЗ (то есть выступать против массового переселения), обнаружили, что как в русскоязычной, так и в зарождающейся казахской прессе их аргументация достаточно холодно воспринимается всеми лицами, принимающими решения и слишком влиятельными, чтобы им противоречить. Н. Диркс на примере Индии описывает маргинализацию, апроприацию и замалчивание местных голосов по мере укрепления имперской эпистемологической модели [Dirks 1993]. Казахи с их устаревшей к тому моменту аргументацией оказались «в хвосте» сходного процесса. К несчастью для этих благородных и образованных посредников, после столыпинского «третьеиюньского переворота» 1907 года решения принимались без какого-либо, даже символического, представительства Казахской степи в Государственной думе [Hosking 1973: 14–55]. Исключение ее представителей, мотивированное политической незрелостью населения региона, имело в основном политическое значение. Оно имело целью создание

¹⁴ Аналогичные рассуждения по поводу Переселенческого управления, подконтрольного ГУЗиЗу после 1905 года, см. в [Holquist 2010]. Более широкий взгляд на институциональные культуры царской России см. в [Rieber 1978].

более консервативного, русскоцентричного и (как хотелось надеяться) послушного представительного органа. Но это также коренилось в распространенных в Российской империи начала XX века своеобразных представлениях о социальном эволюционизме, кочевничестве и исламе¹⁵. Казахские автономисты, сами будучи плодом цивилизаторской миссии Российской империи и живым доказательством того, что политика вовсе не лежит за пределами возможностей казахов, ставили это под сомнение, без особого успеха добиваясь своих прав внутри империи, приоритеты которой теперь противоречили тому, в чем, в их понимании, заключались интересы казахского народа¹⁶. Их попытка обсудить свои права исходя из своего статуса культурных «инсайдеров» и носителей местного опыта потерпела неудачу, когда другая сторона прекратила с ними разговаривать.

Подавляющее большинство казахов, наиболее сильно пострадавших от переселения, не были ни авторами, ни читателями журналов, в которых приводились эти аргументы. Но у них имелись свои способы выразить собственное мнение; наиболее ярко это проявилось во время Среднеазиатского восстания в 1916 году. Причинами восстания в равной степени послужили бездарно введенная военно-трудовая повинность казахов и других жителей Средней Азии (обычно не подпадавших под призывы

¹⁵ М. Могильнер [Могильнер 2008] рассматривает физическую антропологию царской России в терминах Т. Куна — не как монолитную, а как парадигматическую, то есть характеризующуюся значительным разнообразием мышления в рамках узкого набора научных практик. В данном контексте это определение будет уместным в применении к таким дисциплинам, как этнография и востоковедение. См. также [Кун 2020].

¹⁶ Эта характеристика казахского автономизма взята из прекрасной диссертации П. Роттиера «Создание казахской нации: интеллигенция в поисках признания в Российской империи» [Rottier 2005], где излагается в высшей степени конструктивистский взгляд на это движение. Почти столь же конструктивистский подход демонстрирует С. Сейбол, ищущий источники этнической солидарности в доколониальной эпохе [Sabol 2003]; ближе к примордиалистскому подходу стоит работа К. Карпата [Karpat 1993]; Ч. Веллер [Weller 2006], защищая этнонационализм от «западного модернизма», принимает глубоко примордиалистский тон.

на воинскую службу), изменение привычного образа жизни и ухудшение экономического положения кочевников, вызванное переселением. Первое показало, что попытки царского правительства взаимодействовать с казахскими посредниками провалились на всех уровнях; последнее стало результатом несостоятельности статистических данных, на которые так уверенно опиралось переселение. Подобно тому, как британское государство в Индии после мятежа укрепляло свои позиции, но при этом игнорировало некоторые структуры, к которым прежде имело непосредственное отношение, проводники царской политики в степи дистанцировались от полезных и важных способов ее познания с катастрофическими для этого последствиями [Bayly 1996: 348–350].

Восстания в Средней Азии подавлялись достаточно быстро, где бы они ни вспыхивали, и влекли за собой карательные кампании против кочевников. Трудно сказать, что бы произошло, если бы вскоре после восстания 1916 года в Петрограде не произошла Февральская революция; по некоторым признакам можно предположить, что меры должны были быть исключительно жесткими. Но революция случилась; восторженный отчет о февральских событиях и призыв к поддержке нового правительства, появившиеся в мартовском номере казахской газеты «Қазақ», нашли отклик у многих интеллектуалов [Субханбердина 1998: 366–368]. Теперь, оглядываясь назад, мы понимаем, что режим, который после Гражданской войны будет установлен на территории будущей Казахской ССР, вряд ли окажется для интеллектуалов или простых казахов намного более благоприятным, чем предшествовавший¹⁷. Однако, как и во многих других регио-

¹⁷ Всестороннее рассмотрение периода между 1917 и 1920 годами выходит далеко за рамки этой работы. Некоторое представление о сложностях того времени можно получить из воспоминаний А. Букейханова, в частности, из статьи «Мен Кадет партиясынан неге шықтым?» («Почему я покидаю партию кадетов?»), где он перечисляет свои претензии к конституционно-демократической партии, в основном состоящие в том, что кадеты в первую очередь озабочены проблемами этнических русских и возражают против национальной автономии [Букейханов 1995: 414].

нах империи, к февралю 1917 года в Казахской степи царский режим настолько сильно оттолкнул от себя потенциальных союзников, что многие уже не захотели его защищать.

Посредники, их деятельность и власть

Поворот к изучению имперского прошлого России был во многом обусловлен интересом к тому, как группы меньшинств формировали имперские идеологии и практики правления, участвовали в них и отвечали на них. Этому способствовало открытие архивов местного и республиканского уровня и расширение возможностей изучения евразийских языков, кроме русского. Главный методологический посыл работ на эту тему состоит в том, чтобы, по выражению В. Мартин, рассматривать объекты исследования (в частности у Мартин — казахов) как «актеров истории, а не как... реципиентов исторических изменений» [Martin 2001: 160].

Такие ученые, как Р. Круз и О. Джерсилд, на различных примерах продемонстрировали, что институты царизма служили ареной противоборства понятий национальной идентичности и имперского правления, даже если местные элиты разделяли цивилизаторские взгляды своих царских контрагентов [Jersild 2003; Crews 2006]. Настоящая работа в целом подтверждает эти выводы.

Рассматривая казахских посредников как исторических акторов, пусть даже во многом разделявших основные «прогрессистские» и «цивилизаторские» убеждения своих собеседников-контрагентов, мы не можем утверждать, что они мимикрировали или просто неизбежно принимали взгляды всемогущего имперского государства¹⁸. Это, в свою очередь, идет вразрез с историографической традицией, согласно которой структуры и дискурсы колониального правления обладают огромной силой. Например, Д. Скотт характеризует Ф. Д. Туссен-Лувертюра как «новобранца современности», чьи решения ограничены неумолимыми изме-

¹⁸ О центральной роли наукообразной риторики в другом колониальном контексте см. [Prakash 1999].

нениями, диктуемыми Новым временем; самому субъекту при этом остается очень мало свободы мысли или действий [Scott 2004]. П. Чаттерджи сходным образом подчеркивает противоречия в индийском национализме, «потому что он рассуждает в рамках знания, чья репрезентативная структура соответствует самой структуре власти, которую националистическая мысль стремится отвергнуть» [Chatterjee 1986: 38]. Более поздняя попытка «вернуть нам, когда-то колонизированным, право на свободу воображения» подразумевала, что антиколониальный национализм разделял мир на материальную и духовную области, признавая превосходство Запада в первой и настаивая на своеобразии и отличии второй [Chatterjee 1993: 13, 6].

Однако в степи такого, похоже, не было. Вневременного и плохо определенного конструкта «современность» недостаточно, чтобы объяснить диапазон выбора (и исчезновение выбора), доступный для казахских посредников. И земля, и степняки были для царского правительства непознаваемы или по меньшей мере плохо познаваемы. В этом контексте казахские посредники могли находить способы сотрудничества, в целом плодотворные для империи, и полностью принимать модернизирующие материалистические императивы государства, сохраняя при этом определенную степень интеллектуальной независимости и свободы воли¹⁹.

Хотя царские наблюдатели, практически все без исключения, считали степь отсталой по сравнению с российской метрополией, они не делали ничего, чтобы исправить положение; кроме того, в них не было согласия касательно способов, которыми можно было бы эту отсталость ликвидировать. В конце концов, цивилизация может принимать разные формы, и к ней могут вести многие дороги. Мобилизация местного опыта на какое-то время дала казахским акторам ограниченное право голоса в этих дебатах. Эти посредники стремились обрести влияние, а с его помощью — подданство, через обмен знаниями. Даже представляя знания внутри современных, или европейских, структур, они получали возможность корректировать политику империализма,

¹⁹ Классический тезис о сотрудничестве и империализме см. в [Robinson 1972].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru